

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

Литературно-политическія тетради

при ближайшем участіи
Кн. С. С. ОВОЛЕНСКАГО, В. А. ЗЛОВИНА
и И. К. МАРТЫНОВСКАГО-ОПИШНЯ.

ТЕТРАДЬ ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ
АВГУСТ 1959 ГОДА

PARIS

72, av. des Champs-Élysées, (VIII).
Tél.: ELYsées 06-03.

„Сердце Чехова“

В своей статьѣ, озаглавленной «Послѣдній трудъ Ивана Алексѣевича Бунина», К. Вильчковскій касается вопроса, — одного изъ трудно разрѣшимыхъ въ біографіи Чехова, — а именно, вопроса «о сердцѣ Чехова», о его способности любить, о томъ, испыталъ ли Чеховъ въ своей жизни большое чувство*).

Какъ видно изъ статьи Вильчковскаго И. А. Бунинъ мѣняетъ свой старый взглядъ о «Чеховѣ — аскетѣ» и говоритъ: «А вѣдь до сихъ поръ многіе думаютъ, что Чеховъ никогда не испыталъ большого чувства. Такъ думалъ когда-то и я. Теперь же я твердо скажу — испыталъ. Испыталъ къ Лидіи Алексѣевнѣ Авиловой».

Въ тоже время тотъ же И. А. Бунинъ отрицаетъ и не вѣритъ въ любовь Чехова къ О. Л. Книпперъ.

Я никакъ не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ покойнаго Ивана Алексѣевича, равно, какъ я также не могу согласиться съ его другимъ взглядомъ, что бракъ Чехова съ О. Л. Книпперъ былъ равносителенъ самоубійству. Мнѣ больно думать, что Бунинъ, который былъ въ такой долгой и тѣсной дружбѣ съ Чеховымъ, могъ не подмѣтить его любви къ Ольгѣ Леонардовнѣ.

Несмотря на мое большое уваженіе къ памяти И. А. Бунина, я все же долженъ сказать, что въ этомъ, очень личномъ и деликатномъ вопросѣ, касающагося чувства Чехова къ Ольгѣ Леонардовнѣ Книпперъ, онъ находится далеко отъ истины. Въ силу этого мнѣ казалось было бы большою несправедливостію, скажу даже грѣхомъ, если бы мы привили къ идущему за нами поколѣнію взглядъ Бунина на эту сторону жизни Чехова.

Я позволяю себѣ писать по этому вопросу, потому, что волей судьбы я въ одну пору моей жизни тѣсно соприкасался съ жизнью четы Чеховыхъ. Въ теченіе, примѣрно, трехъ недѣль, передъ смертію Антона Павловича, я прожилъ съ нимъ и Ольгой Леонардовной подъ одной кровлей въ Баденвейлерѣ, и при моихъ, почти, ежедневныхъ посѣщеніяхъ ихъ комнаты, я могъ присмотрѣться къ ихъ частной жизни, и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. (См. «Чеховскій» (84) номеръ «Возрожденія»).

Я говорю, что Чеховъ любилъ Ольгу Леонардовну, любилъ ее глубоко, крѣпко, съ присущимъ ему благородствомъ.

Вѣдь письма Чехова къ Ольгѣ Леонардовнѣ, изданныя теперь Совѣтами, въ достаточной мѣрѣ, наглядно доказываютъ правильность моего завѣренія, и вчитываясь въ нихъ можно подмѣтить и прослѣдить, какъ любовь Чехова къ Ольгѣ Леонардовнѣ съ годами растетъ и ширится.

Конечно, нельзя сравнивать чувства Чехова къ Авиловой съ чувствами Чехова къ Книпперъ. Встрѣча Чехова съ Авиловой имѣла мѣсто,

*) См. «Возрожденіе», тетрадь 64-ую (май 1957 г.).

когда они оба были молоды, и естественно, что в эти годы в их отношениях был тот порыв, который характеризует любовь юных лет. Когда Чехов познакомился с Книппер, он уже был вполне зрелым мужчиной около 40 лет, да и Ольга Леонардовна подходила к тридцати годам своей жизни. В такие годы любовь между мужчиной и женщиной выливается в другие формы, может быть, в менее бурные, но более прочные и глубокие, и я не решился бы говорить, что эту форму любви нельзя отнести к «большому чувству».

Я вообще не могу себя представить, как Антон Павлович, женившись на Ольге Леонардовне, мог ее не любить. Она была тогда молодой, красивой, интересной женщиной, с большой душевностью и темпераментом, умная, воспитанная, полная жизни и здоровья, и ко всему этому она была актриса, идущая к славе в самом популярном, по тем временам, Московском Художественном Театре.

Мне кажется наоборот, Чехов, частенько ревновал Ольгу Леонардовну. Примером этому может служить хотя бы эпизод со мной, который я описал в моей статье «Последние минуты Чехова», и который я здесь хочу повторить. Вот он: Ольга Леонардовна в одно прекрасное утро, по просьбе своего мужа, поехала из Баденвейлера во Фрейбург, чтобы заказать Антону Павловичу два фланелевых костюма и предложила мне сопровождать ее. Доехав до Фрейбурга и заказав Антону Павловичу оба костюма, мы решили воспользоваться чудным днем и осмотреть этот старый немецкий город и его окрестности. Вернулись домой мы около шести часов вечера и застали Антона Павловича мирно прогуливающимся в обществе моего брата по саду нашего отеля. Антон Павлович, видя нас возвращающимися веселыми и радостными, повстречавшись с нами и глядя на меня через свое пенсне, сказал: «Вы, поди, весь день за моей женой ухаживали», чем поверг меня в большое смущение.

В этой его фразе, сказанной, как будто, в полушуточной форме и кажущейся на первый взгляд совершенно невинной, на самом деле скрывалась, как я это почувствовал, глубокая горечь и досада Чехова, что не он, а кто-то другой был с его женой в экскурсии, которая доставила ей такое большое удовольствие.

О Чехове принято говорить, как о человеке, который был очень замкнут и скрывал свои чувства от других и в силу этого производил впечатление человека холодного, без души. Я этого впечатления в моем общении с Чеховым не получал, наоборот, он мне казался человеком отзывчивым, добрым и глубоко чувствующим.

Когда мы жили бок-о-бок в Баденвейлере, Чехов не старался скрывать ни своей заботливости, ни любви к Ольге Леонардовне. Он обычно обращался к ней, называя ее очень нежно «Дусей».

Когда я однажды сидел в комнате около его кровати, на которой он лежал, и читал ему вслух русскую газету, приступ кашля стал мучить и душить Антона Павловича, я прекратил чтение, но он мне сейчас же сделал безмолвный знак головой, чтобы я продолжал читать. А затем глазами указывая на Ольгу Леонардовну, сидевшую на балконе, пояснил мне, что ему не хотелось бы, чтобы она услышала его кашель, который мог ее взволновать.

Что же касается брака Чехова, который Бунин приравнивает к

самоубийству, то Антон Павлович дал ему свою отписку в письме от 22-го мая 1904 года Середину, которое он отправил из Москвы в Ялту перед своим отъездом в Баденвейлер. Вот что Чехов пишет Середину в конце своего письма:

«Моя жена при больном муже это золото, никогда еще не видел такой сиделки. Значит хорошо, что я женился, очень хорошо, иначе не знаю, что бы я теперь делал».

Свою статью я хочу закончить описанием одного эпизода, в котором полностью отражается атмосфера жизни Чеховых в Москве.

Антон Павлович, женившись на Ольге Леонардовне скоро сближается с ее семьей, привязывается к ней, и в особенности проявляет теплое чувство к дяде Саше Зальцу, брату Анны Ивановны, матери Ольги Леонардовны.

Дядя Саша был капитаном и ротным командиром одного пехотного стрелкового полка. Он в Манчжурii участвовал в японской войне и был храбрым офицером. Он был человеком исключительной доброты, его любили все в семье, и прислуга, и солдаты — словом все, кто его знал. Полюбил его и Чехов. Антон Павлович особенно любил наблюдать его, когда он заходил к ним в гости в Москву.

Елена Ивановна, жена моего брата, которая по-первому своему замужеству была золовкой Ольги Леонардовны, рассказывала мне, что когда она однажды была у Чеховых в гостях, то кроме других гостей к ним пришел и дядя Саша. Так как Ольга Леонардовна не предлагала дяде Саше вина, к которому он имел большое пристрастие, то он, через некоторое время, незаметно, потихоньку пробрался в кухню и там разговаривая уютно с кухаркой и горничной, которые приветствовали его винцом, стал потешать их своими военными рассказами.

Кухарка и горничная, слушая дядю Сашу все ахали да охали и все больше угощали его вином. Чехов заметил исчезновение дяди Саши, сам прошел незаметно к кухонной двери и приотворив ее немножко, стал наблюдать и слушать, что происходило на кухне, заливаясь временами беззвучным, неудержимым смехом.

В кухне этого никто не замечал, но Ольга Леонардовна и Елена Ивановна, заметив исчезновение Антона Павловича, в свою очередь, стали подсматривать за ним, как он подсматривал за дядей Сашей.

В письме Чехова к Ольге Леонардовне от 22-го апреля 1904 года выявляется вся сердечная теплота чувства Антона Павловича к дяде Саше.

«В сражении участвовал 22-й Стрелковый Сибирский полк, а в дяде в этом полку был дядя Саша. Не выходит он у меня из головы. Пишут, что убито и ранено 9 ротных командиров, а дядя Саша как раз ротный. Ну, да Бог милостив, уцелел Саша, твой милый дядя. Воображаю, как он утомлен и сердит».

Впоследствии Елена Ивановна говорила мне, что ей всегда казалось, что Чехов, создавая тип бесконечно доброго и трогательного военного доктора Чебутыкина, в Трех Сестрах, списал его с дяди Саши.

Теперь по получении известия из Москвы о кончине Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, мне хочется добавить еще некоторые мои воспоминания о ней.

Я делаю это в память этой славной русской, известной драматической актрисы, делаю я это, как добрый ее друг, как старый москвич, юность которого протекала, когда создавался в Москве знаменитый Московский Художественный Театр, пожизненным членом которого состояла ныне покойная Ольга Леонардовна.

Ольга Леонардовна скончалась в преклонных годах своей жизни, а именно в возраст 91 года, пережив таким образом Антона Павловича на 55 лет.

Анна Ивановна, мать ее, происходила из обрусевшей семьи прибалтийских дворян, по имени Зальца. Вся семья была очень музыкальная, талантливая и с большим темпераментом, который иногда проявлялся в бурных спорах за вечерним чайным столом, но это не мешало жить всем дружно, просто и гостеприимно.

Анна Ивановна была профессором пения при Московской Консерватории, младший брат Ольги Леонардовны, Владимир Леонардович, несмотря на свое звание присяжного поверенного, был певцом в опере и выступал под именем Нардов. Старший брат Константин Леонардович был известным инженером путей сообщения и строителем Туапсинской железной дороги на Кавказе.

Даже в следующем поколении Книппер многие получили известность: это дети Константина Леонардовича, его вторая дочь Ольга Константиновна, также ставшая Книппер-Чеховой (так как вышла замуж за племянника Антона Павловича, Мишу Чехова, в прошлом артиста Студии Художественного театра), стала известной фильмо-вой актрисой, а брат ее Лев Константинович, оставшийся в России, получил известность в музыкальном мире.

Моя дружба с Ольгой Леонардовной началась после того, как мы вместе с ней пережили кончину Антона Павловича в Германии.

Позже, в мою бытность в Москве, я встречался с ней либо у нее, либо у ее матери, или у моей невестки. Припоминается мне одна наша встреча, принявшая очень курьезный характер. Это было, примерно, в 1909 году, т. е. спустя 5 лет после смерти Чехова. Ольга Леонардовна тогда была уже известной актрисой, молодой вдовой и, естественно, у нее были поклонники, — ухаживал за ней тогда и Василий Алексеевич Маклаков.

В один прекрасный вечер, осенью, когда в Художественном Театре начались уже репетиции, я пришел из Щелкова, с фабрики в Москву. В Москве, у своих я остановиться не мог, так как мои родители, а также брат с женой были в отъезде за границей, и я решил поехать известить Ольгу Леонардовну. Приехав к ней я застал ее дома и проходя в гостиную мимо столовой, заметил, что стол был уже накрыт на два прибора.

Не успели мы с Ольгой Леонардовной уссться и начать разговор, как раздался звонок и в гостиную вошел Иван Алексеевич Бунин. Начался общий разговор, Бунин в этот вечер был в ударе и

тотчас начал смущать Ольгу Леонардовну, которая, как мне казалось, чувствовала себя не в своей тарелке. Через некоторое время она попросила извинить ее, так как ей необходимо было спуститься вниз к швейцару и срочно кому-то позвонить по телефону. Вернувшись обратно и похлопотав в кухне она попросила нас обонк и столовую к ужину. На столе, кроме всего прочего, была водка и икра. Мы весело ужинали и должен сказать, что к концу ужина мы с Буниным прикончили как водку, так и икру.

Через некоторое время, когда мой брат с женой вернулись из-за границы, я как-то вечером пришел с фабрики к ним на ночевку. За ужином моя невестка, Елена Ивановна, смеясь говорит мне, что видела на днях Ольгу Леонардовну, которая рассказала ей очень забавную историю, а именно, как мы с Буниным однажды вечером заехали к ней, засиделись у нее, в то время, как она ждала к ужину Василия Алексеевича Маклакова, и что ей в конце концов ничего не оставалось сделать, чтобы не быть не гостеприимной, как отзвонить Маклакову и пригласить к ужину вместо него нас. Таким образом водка и икра, предназначавшиеся Маклакову, были съедены Буниным и мной.

Ольга Леонардовна, рассказывая это Елене Ивановне, страшно веселилась и хохотала, говоря, что Антон Павлович из этой истории сделал бы великолепный рассказ.

В последний раз я видел Ольгу Леонардовну в 1937 году, когда Художественный Театр приезжал на гастроли в Париж.

После окончания спектакля я пошел в маленькое «бистро», где артисты обыкновенно ужинали после театра.

Когда я вошел, то я увидел Ольгу Леонардовну, сидевшую за столом между двумя, мне неизвестными, мужчинами. Она увидела меня и быстро опустила глаза в тарелку и не подымала их до тех пор, пока я не прошел мимо ее стола. Я понял, что она не могла со мной видеться и говорить.

На следующий день рано утром я шел по Елисейским Полям, и вдруг, совершенно случайно, встречаюсь лоб в лоб с Качаловым. Мы остановились, затем обнялись и поцеловались, и я ему говорю: «Как я рад повидать вас, вчера был у вас в театре, хотел повидать Ольгу Леонардовну, зашел в «бистро», где вы все ужинаете, но когда я вошел, она, увидев меня, уткнулась в свою тарелку и я понял, что она не хотела со мной видеться». На это Качалов мне отвечает: «Лев Львович, ведь она сидела с двумя нашими архангелами, как же она могла говорить с вами? Нас здесь очень строго держат и не дают общаться с эмиграцией». Качалов стал оглядываться по сторонам, я понял, что он боялся быть замеченным со мною... Мы простились и поцеловались и я просил его поцеловать ручку «от меня» у Ольги Леонардовны, и сказать ей, что в этих условиях, в которых они находятся, я не стану добиваться с ней свидания.

Ольга Леонардовна была в Художественном Театре с самого начала его существования. Как известно театр был впервые открыт в Москве, в октябре месяца. 1898 года, пьесой из трилогии графа А. К. Толстого «Царь Федор».

Постановка «Царя Федора» была исключительно блестящая и очаровала москвичей. Москва сразу благопріятно расположилась к новому начинанію. К. С. Алексѣева, имя семьи котораго было уже хорошо извѣстно Москвѣ, частью по дѣятельности его покойнаго, талантливаго двоюроднаго брата Николая Александровича Алексѣева на посту Московскаго Городскаго Головы.

Я до сих пор могу слышать глубокій, трудной, западающій в душу, и вызывающій слезы на глазах, голос Ольги Леонардовны, когда она в роли Царицы Ирины в своем діалогѣ с Вишневым, игравшим тогда роль Бориса Годунова, молит его пощадить и не казнить Князя Ивана Петровича Шуйскаго.

Сцена эта незабываемая, как по красотѣ текста самого діалога, так и по игрѣ этих, теперь уже покойных артистов.

Когда Чехов стал писать пьесы для Художественнаго Театра, то Ольга Леонардовна в этих пьесах, как «Дядя Ваня», «Три Сестры», и «Вишневый Сад», играла всегда главную женскую, ведущую роль. Играла она эти роли великолѣпно, побѣждая зрителей привлекательностью своей наружности, всей манерой своей игры, и своей безупречной русской рѣчью.

Если слава Московскаго Художественнаго Театра современем из Всероссійской сдѣлалась славой міровой, то мы, русскіе люди, можем только этим гордиться и земно кланяться памяти тѣх наших москвичей, кои своими руками, усиліями и трудом достигли этой славы.

Ольга Леонардовна принадлежала к серіи этих людей и к славѣ роднаго театра свою руку приложила.

Царство Небесное и Вѣчный Покой этой крупной русской, драматической актрисѣ.

Л. Л. Рабенек